

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 93:14(47)

ББК 63.0:87(2)522-685

Ирина Анатольевна Едошина

Костромской государственный университет, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры истории, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Соловьёвский «след» в биографии М.П. Погодина

Аннотация. Личность и труды М.П. Погодина раскрываются сквозь призму восприятия современниками – С.М. и Вл.С. Соловьёвыми. Выбор именно этих имен напрямую связан с эпитафией к статье, где ключевыми словами являются «пря» (разногласия) и «беспристрастность». Выявление контуров и смыслов соловьёвского «следа» позволяет увидеть беспристрастно не только собственно М.П. Погодина, но и значимые тенденции в русской историософии. Дается общая характеристика того, что сделано М.П. Погодиным в течение жизни и определило масштаб его личности. Представляются ключевые эпизоды биографии М.П. Погодина и С.М. Соловьёва, которые позволяют увидеть причины постепенно нарастающих расхождений, получающих в итоге историософское наполнение. Определяются основные смыслы этих расхождений, их следствия, среди которых одно из значимых «норманнская» теория Погодина и ее критика современниками, сфокусированная в трудах С.М. Соловьёва. Данный вопрос рассматривается с учетом степени его исследованности через систему отсылок к соответствующим научным работам. Особое место занимают вопросы состояния веры в России времени М.П. Погодина и С.М. Соловьёва, их отношения к этому состоянию, их собственной религиозности и ее влияния на их творчество. Через религиозную проблематику раскрывается отношение Вл.С. Соловьёва к Погодину, даются его оценки, носящие исключительно положительный характер. Отмечается, что именно Вл.С. Соловьёв впервые подметил специфические стороны книги Погодина «Простая речь о мудреных вещах», которые можно образно определить как предчувствие «листвы» Василия Розанова. Специально сделан акцент на многодетных семьях Погодина и С.М. Соловьёва, их отношениях с женами и детьми. В итоге творчество М.П. Погодина и Соловьёва рассматривается в едином пространстве русской культуры как ее разные оттенки.

Ключевые слова: русская историософия, «норманнская» теория, христианское миропонимание, мировоззренческие ориентиры бытия

Irina Anatolyevna Edoshina

Kostroma State University, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of History, Russia, Kostroma, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Soloviev's «trail» in the biography of M.P. Pogodin

Abstract. The personality and works of M.P. Pogodin are revealed through the prism of perception by his contemporaries – S.M. and Vl.S. Solovyov. The choice of these names is directly related

to the article's epigraph, where the key words are "debates" (disagreements) and "impartiality". Revealing the contours and meanings of Solovyov's "trace" allows us to see impartially not only of M.P. Pogodin himself, but also significant trends in Russian historiography. General description of what M.P. Pogodin did during his life and determined the scale of his personality is given. The author of the article presents key episodes in the biographies of M.P. Pogodin and S.M. Solovyov, which allow us to see the reasons for the gradually increasing discrepancies, which eventually gain historiographical content. The article defines main meanings of these discrepancies, their consequences, among which one of the most significant is Pogodin's "Norman" theory and its criticism by contemporaries, focused in the works by S.M. Solovyov. This issue is considered taking into account the degree of its research through a system of references to relevant scientific works. A special attention is paid to the issues of the state of faith in Russia in the time of M.P. Pogodin and S.M. Solovyov, their attitude to this state, their own religiosity and its influence on their work. Through religious problematic, V.I. Solovyov's attitude to Pogodin is revealed, his assessments are given, which are exclusively positive. It is noted that it was V.I. Solovyov who first noticed the specific aspects of Pogodin's book "Simple Speech on Wise Things", which can be figuratively defined as a premonition by Vasily Rozanov's "foliage". Special emphasis is given on large families of Pogodin and S.M. Solovyov, their relationships with wives and children. As a result, the works of M.P. Pogodin and S.M. Solovyov are considered in a unified space of Russian culture as its different shades.

Key words: Russian historiography, "Norman" theory, Christian worldview, ideological guidelines of being

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.006-019

Смею надеяться, что найдутся всегда беспристрастные судьи, которые рассмотрят всю мою деятельность, обсудят прю с противниками и воздадут каждому свое.

Михаил Погодин

Михаил Петрович Погодин, которому в этом году исполняется 225 лет со дня рождения и 150 лет со дня смерти, был человеком сложной судьбы. Он родился в семье крепостного. Однако родители не только вышли из крепости, но и дали сыну замечательное образование, что позволило ему добиться успехов на научном и писательском поприще:

- стать известным историком, автором первых учебников по русской истории, ученым, отстаивавшем «норманнские» корни древнерусской государственности, создавшем «математическую методу» для работы с источниками;

- собрать знаменитое Древлехранилище русских артефактов, которое будет приобретено государством и войдет в фонды Публичной библиотеки в Петербурге, значительно пополнит коллекцию Эрмитажа, составит основу собрания Оружейной палаты в Москве;

- издавать на собственные средства журнал «Москвитянин», где впервые, помимо художественной литературы (в том числе, начинающих, подчас нико-

му не известных авторов) и критики, публиковались статьи сугубо научного содержания по самым разным областям знания;

– быть автором критических статей, художественных произведений¹.

Столь масштабная деятельность Погодина подвигла его младшего современника Н.П. Барсукова к написанию многотомного (увы, прерванного смертью) труда, в котором (на документальной, заметим, основе) рассказывается не только о самом Погодине, но и о его времени, людях, их судьбах, думах, мечтах и заботах².

Однако шлейф низкого происхождения, а потому неряшливости, грубости и скаредности сопровождал Погодина всю его жизнь, найдя отражение в известном портрете кисти В.Г. Перова, которому словно вторит В.О. Ключевский, когда пишет, что, «перестав быть крестьянином, профессор Погодин остался мужиковатым человеком, а это – порок не только для профессора, но и для крестьянина. Этот порок много повредил талантам, которыми Погодин одарен был далеко не скудно» [3, с. 148].

Как видим, уже при жизни к самому Погодину, к его трудам неоднозначно относились современники, которыми он к тому же воспринимался подчас словно «лакмусовая бумажка»: хорошо относишься к Погодину – приверженец «официальной народности» или славянофил³, критически или брезгливо – западник.

Думается, подобное отношение свидетельствует о том, что у Погодина была *своя* жизненная позиция, менее всего сосредоточенная на ее восприятии со стороны: *что будет говорить княгиня Марья Алексевна?* Сам же Погодин видел в себе *Русского человека*, «который любит Отечество, чувствует благодарность к Европе и желает успеха человечеству»⁴.

Была ли услышана его позиция современниками? Попробуем найти ответ на этот вопрос, обратившись к двум его младшим современникам – историку С.М. Соловьёву (1820–1879) и его сыну – философу Вл.С. Соловьёву (1853–1900). В немалой степени поиски ответа на этот вопрос, в свою очередь, позволяют обнаружить их «след» в биографии Погодина. Оба Соловьёва, будучи людьми образованными, думающими и пишущими, внесшими значительный вклад в историю русской культуры, не могли в своих трудах пройти мимо име-

¹ См. об этом подробнее: Фатеев В.А. «Державный» историк М.П. Погодин и псевдонаучная теория «официальной народности» А.Н. Пышина // Русско-византийский вестник. 2021. № 2. С. 10–42 [1].

² См.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. Санкт-Петербург, 1888–1910 [2].

³ Хотя, как замечает В.А. Кошелев, «взаимоотношения славянофилов и М. Погодина еще менее можно назвать “дружескими”» (см.: Кошелев В.А. Общественно-литературная борьба в России 40-х годов XIX века. Лекции. Вологда, 1982. С. 16 [4]). А много ранее К.Н. Бестужев-Рюмин подчеркивал, что Погодин «никогда не был славянофилом» (см.: Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1882. С. 233 [5]).

⁴ См.: Погодин М.П. Взгляд на положение Европы после Парижского мира. Письмо в редакцию газеты «Le Nord» // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). Москва: Тип. Ф.Б. Миллера, 1876. С. 1 [6].

ни Погодина: Соловьев-старший – в силу возраста – откликается, прежде всего, на саму личность Погодина, а Соловьев-младший, опять-таки в силу возраста, – на ее значение и смыслы.

С.М. Соловьев познакомился с Погодиным в годы учебы в Императорском Московском университете, слушая его лекции по русской истории. В автобиографических записках С.М. Соловьев признается: «Товарищи прозвали меня суфлером Погодина» [7, с. 229]. Погодин, в свою очередь, обратил внимание на юношу, особенно после того, как тот написал сочинение о первых веках русской истории, следуя идеям своего профессора. С.М. Соловьев стал бывать в доме Погодина, пользоваться его библиотекой, всякий раз встречая самый теплый прием. Выслушав на экзамене по русской истории ответ С.М. Соловьева, Погодин назвал его лучшим в данный момент студентом в этой области знания.

Погодин одобрил поездку С.М. Соловьева в Европу, указав на необходимость «для каждого молодого русского человека посмотреть чужие земли»⁵. Заметим, что при этом С.М. Соловьев не приводит каких бы то ни было инвектив со стороны Погодина в сторону Европы, которых не было и не могло быть, если вспомнить кредо Погодина – *благодарность Европе*. Другой вопрос, что благодарность не исключает критического восприятия, что обнаруживается, например, в его работе 1845 г., где проводится параллель русской истории с историей европейской⁶. Позднее именно Погодин в издаваемом им журнале «Москвитянин» опубликует первую в научной жизни С.М. Соловьева статью⁷.

Их отношения резко изменятся в связи с избранием С.М. Соловьева на вакантную должность на кафедре русской истории в Императорском Московском университете.

Конечно, возвращаясь в университет, по окончании которого он был в свое время оставлен на кафедре⁸, Погодин не мог даже предположить, что один из его лучших учеников, утверждавший в уже названной первой в его жизни

⁵ См.: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды / изд. подгот. А.А. Левандовский, Н.И. Цимбаев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 270 [7].

⁶ См.: Погодин М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Погодин М.П. Историко-критические отрывки: в 2 кн. Кн. 1. М., 1846. С. 63–91 [8].

⁷ См.: Соловьев С.М. Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. Ч. 6, № 12. С. 511–517 [9].

⁸ Напомним, что Погодин занял кафедру русской истории вместо своего преподавателя – профессора М.Т. Каченовского, который был отстранен от должности в связи с его субъективной критикой Н.М. Карамзина («баснословный период») и переведен на кафедру славянских наречий (см.: Александров Л.Г. Редакционная политика «Вестника Европы» М.Т. Каченовского в период доминирования патриотических тенденций в российском обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 54, № 13. С. 10 [10]). Более того, Погодин резко высказывался в адрес трудов Каченовского, отрицавшего подлинность древнерусских рукописей, в том числе «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет». Но после смерти Каченовского именно Погодин проявит заботу об осиротевшей семье историка, добившись предоставления ей пенсии.

статье неразрывную связь между преподаванием и христианскими ценностями, открыто вступит с ним в борьбу, заранее не соглашаясь быть при нем адъюнктом, и выиграет благодаря, как пишет сам С.М. Соловьев, «прозападной профессуре»⁹. Более того, этот конфликт послужит, по его же признанию, толчком к написанию капитального труда по истории России: «... я добыл себе место с бою и должен был удерживать его боем, должен был в короткое время сделать столько, чтоб не смели сказать, что университет проиграл, заменивши старого профессора Погодина новым» [7, с. 322].

Историк С.М. Соловьев свое отношение к Погодину выразил в рецензиях на его труды, а также в уже цитируемых автобиографических записках, и отношение это было нескрываяемо резко критическим, которое, по справедливому замечанию А.В. Журавеля, он «переносит ... на ранний период их общения – то есть на 1841–1842 (4-й курс) и 1842–1844 гг.»¹⁰, когда отношения между учителем и учеником, как мы видели, носили совсем иной характер.

Еще одной точкой пересечения М.П. Погодина и С.М. Соловьева было их отношение к 12-томной «Истории государства Российского» (1803–1826 гг.) Н.М. Карамзина. В юные годы и М.П. Погодин, и С.М. Соловьев с огромной симпатией относились и к самому Карамзину, и к его труду. Позднее их объединял критический взгляд, а далее их пути расходятся.

При открытии в Симбирске памятника знаменитому историку и писателю Погодин произнесет «Историческое похвальное слово Карамзину» (1845 г.), где обратится к его творчеству, обозначит его основные вехи и достижения, завершив свою речь словами: «Пусть дух его носится в России! Пусть он останется навсегда идеалом русского писателя, русского гражданина, русского человека, – по крайней мере, долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой» [12, с. 641]. А исторический труд Карамзина назовет исполинским, сравнив с Египетской пирамидой.

В этой речи Погодина никак не отразились ни его критические статьи в адрес Карамзина, ни скандальная история с публикацией в курируемом Погодиным «Московском Вестнике» статьи Н.С. Арцыбашева, в которой Карамзин преподносится как человек, пришедший в историю из литературы, а потому сочинение его не столько исторический труд, сколько художественный, не совпадающий с источниками¹¹. Критические замечания Арцыбашева в своей основной части совпадали с критикой Погодина в адрес Карамзина. Причем Погодин опубликовал их задолго до похвального слова в адрес Карамзина. Что

⁹ См.: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. С. 295.

¹⁰ См.: Журавель А.В. «Светило» на фоне «беззаконных комет»: С.М. Соловьев – М.П. Погодин – Н.С. Арцыбашев // С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка: сборник статей / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РАН, 2020. С. 65 [11].

¹¹ См. об этом подробнее: Павленко Н.И. Михаил Погодин. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 49–53 [13].

это? Двудличие? То самое желание выслужиться, в чем его неоднократно обвиняли некоторые из современников?

Думается, что нет. Просто перед тем, как начать свой исторический труд, умудренный жизненным опытом, Погодин не мог игнорировать того, что было сделано Карамзиным, и того, как его труды и личность воспринимались современниками. В итоге Погодину открылась значимость самой личности Карамзина. Поэтому вполне закономерно, что в 1866 г. Погодин издает обширный труд «Николай Михайлович Карамзин. Материалы для биографии»¹², поставив перед собой задачу «самоустранения», чтобы о Карамзине свидетельствовали только его письма, дневниковые записи, современники. Фактически Погодин предложил совершенно новую, необычную форму биографии. Такой вот путь проделал Погодин в отношении Карамзина: от восхищения – к критике, затем – к высокой оценке и созданию оригинальной формы представления исторически значимой личности.

С.М. Соловьев также обращается к анализу исторических трудов Карамзина и пишет работу «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: История государства Российского» (1857 г.)¹³. Начинает С.М. Соловьев с обозрения трудов по русской истории, указывая на значимость В.Н. Татищева, сумевшего собрать богатейшую источниковую базу, что не было в должной мере оценено современниками. Основная претензия С.М. Соловьева к Карамзину как историку заключается именно в отношении Карамзина к источникам, а главное – их преподнесению. Если Татищев «везде ограничивается одною научною пользою», то Карамзин «настаивает на занимательности, увлекательности и, так сказать, картинности русской истории»¹⁴. Собственно, об этом же свидетельствует самоё именование работы, где Соловьев относит труд Карамзина к области литературной (вслед за уже названным Н.С. Арцыбашевым). В то же время, как замечает современный исследователь, «рассматривая наследие Карамзина, Соловьев формулировал и собственные научные позиции»¹⁵. Аналогичный путь характерен и для Погодина.

Однако в отличие от С.М. Соловьева Погодин «проездили» по России, источники он обнаруживал не только в архивах и публикациях, а в самой жизни, в местах, далеких от столиц. Эти поездки станут основой его будущего Древлехранилища. Занимался Погодин в основном древнейшей историей России, сумев доказать подлинность «Повести временных лет», легшей в основу его «норманнской» теории, которой не принял С.М. Соловьев, и не только он один¹⁶.

¹² См.: Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: в 2 ч. Москва, 1866 [14].

¹³ Соловьев С.М. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. 16. М.: Мысль, 1995. С. 43–186 [15].

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ См.: Дубровский А.М. С.М. Соловьев о Н.М. Карамзине // Новые исторические перспективы. 2020. № 3. С. 18 [16].

¹⁶ Но разве современное требование о размещении на платформе, например, Scopus написанных в России и о России статей (которые являются сегодня *единственным* (!) показателем успешно-

Возвращаясь к обширной работе С.М. Соловьева о Карамзине, заметим, что в ней поднимается множество вопросов, связанных с русской историей, ее освещением и пониманием, анализ которых не входит в задачи настоящего исследования. Однако следует подчеркнуть, что С.М. Соловьев разделяет взгляд тех ученых, которые рассматривают текст Карамзина «преимущественно с точки зрения художественной»¹⁷.

Еще одно пересечение двух значимых для русской культуры людей – это вопрос веры, важность которой в жизни общества оба не только не отрицали, но и оба сами были людьми искренне верующими.

С.М. Соловьев родился в семье священника и никогда с верой не порывал, о чем открыто писал: «Я был человек религиозный, с христианскими убеждениями» [7, с. 298]. Потому свое преподавание в университете он понимал как служение, направленное на соединение знания и духовно-нравственных основ бытия, а его «историософия являла собой своеобразный вариант христианского понимания истории»¹⁸. Для сравнения, К.Н. Бестужев-Рюмин писал о Погодине: «Воззрения его были ... верою, потребностью его духа, ... он учил любить науку, любить и уважать Россию» [18, с. 242, 241]. Как видим, в вопросе существования преподавания истории С.М. Соловьев и Погодин оказываются близки друг другу. Впрочем, и в жизни пути их будут позднее пересекаться, как минимум в московском доме А.И. Кошелёва на Поварской улице, куда Погодин частенько заглядывал вместе с А.Ф. Писемским.

Напомним, что при Императорском Московском университете изначально была открыта церковь мученицы Татианы. Когда университету пришлось переехать в другое помещение – городскую усадьбу, здание перестроили, а храм с тем же посвящением был устроен и освящен в 1837 г. (хотя место для его устройства было выбрано весьма специфическое – бывший театральный флигель)¹⁹. Как раз в связи с храмом, точнее, с тем, кто его освящал, пути С.М. Соловьева и Погодина вновь разойдутся. Речь идет о митрополите Московском Филарете (Дроздове).

сти в научной деятельности, будучи *непременным* условием для получения, например, гранта в РФ) не есть все то же, идущее от «Повести временных лет»: *придите и владейте нами*. Вопрос, как понимаете, риторический и в научной статье, конечно, неуместный, но в связи с «норманнской» теорией весьма актуальный.

¹⁷ См.: Соловьев С.М. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского». С. 183.

¹⁸ См.: Кучурин В.В. Религиозный мир С.М. Соловьева // Мир истории: исторнографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 114 [17].

¹⁹ Возможно, не без памяти о прошлом этого помещения в 1913 г. на куполе была сделана надпись «Свет Христов просвещает всех». О том, как эта надпись получила свою реализацию в начале XX в. см.: Грэхем Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности. СПб., 2011. С. 68–100 [19]. Но в советское время надпись собыют, храм разорят и закроют, а в помещении вновь будет организован театр, в стенах которого вырастет будущий известный советский режиссер, возглавивший театр Ленком. В настоящее время церковь и надпись восстановлены.

Погодин был знаком с митрополитом, приняв в середине 1850-х гг. участие в дискуссии о реформе Синода. Содержание дискуссии определяло осознание утраты доверия общества к церкви, стремление восстановить церковную самостоятельность²⁰. Но и до этого Погодин не единожды посещал Троицкое подворье, печатал проповеди Филарета в своем журнале «Москвитянин». Он высоко ценил его проповеди, не раз слушая их в храме мученицы Татианы при Московском Императорском университете.

Иное – у С.М. Соловьева, который свое крайне негативное восприятие личности и трудов свят. Филарета описал в уже цитированных записках. Откликнувшийся на их публикацию детьми историка, А.П. Лебедев писал: «Вс.С. Соловьев, начав издавать “Записки” своего отца, прекрасно сделал, пропустив те страницы, где велась речь о Филарете. Его примеру, к сожалению, не последовал брат его Вл.С. Соловьев. Он включил в свое издание и эти страницы, но все же он был еще осторожен: самые резкие вещи и у него не нашли места» [21, с. 184]. Сегодня все характеристики хорошо известны, потому нет надобности в их цитировании. Только заметим, что и те, кто был близок Погодину по своим взглядам на историософию России, воспринимали Филарета по-разному: резко отрицательно, например И.С. Аксаков, и прямо наоборот – К.Н. Леонтьев.

При всем критическом отношении к святителю Филарету С.М. Соловьев не отрицал его личностных качеств, видя в нем изначально общественного деятеля государственного уровня, который вместо этого стал архимандритом. Указанное несовпадение, по мысли С.М. Соловьева, сыграло определенную роль в том, что православие «отражает теперь на себе всю черную сторону настоящего состояния русского общества»²¹. Причем, по мысли С.М. Соловьева, в наиболее яркой форме проявляется это состояние именно в священстве, оставшемся далеко позади и в области образования, и в области умственного развития, и в области нравственности.

Подобную позицию разделяли многие из его современников. Так, в картине В.Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасхе» (1861 г.) художник представил группу пьяных, плохо владеющих собой священника и крестьян. Положим, перед художником, как человеком светским и критически (что весьма показательно) настроенным по отношению к священству, стояли свои задачи идеологического характера. Но вот свидетельство о сельских священниках другого современника, выходца из церковной среды, автора «Истории Русской Церкви» – Е.Е. Голубинского: «В день праздника священник с причтом приезжает в деревню, служит в деревенской часовне всенощную (сокращенно) и молебен, совершает крестный ход вокруг деревни ... Если бы священник или кто-нибудь из причта не напился в деревне к вечеру с праздника как следует, то на

²⁰ См.: Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2003. С. 81–87 [20].

²¹ См.: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. С. 240.

это посмотрели бы как на чудо...»²² [22, с. 153]. Как видим, С.М. Соловьев в своих инвективах в адрес священства и состояния самой церкви не одинок, но критика не стала источником для его собственных колебаний в вере.

Не менее Е.Е. Голубинского и С.М. Соловьева знавший о состоянии современного ему духовенства, Погодин, как человек деятельный, отважился на решительный поступок. При его содействии в 1858 г. в Лейпциге была издана книга «Описание сельского духовенства» Ивана Беллюстина, священника из Тверской губернии, правда, без указания его имени. Книга произвела столь сильное впечатление, что была переиздана (на русском языке и в переводе) затем во Франции и Англии. Эта книга попала к Александру II, оставив после прочтения самое гнетущее впечатление. В книге поднимались вопросы жизни сельского священника, его жилья, его семьи, получения духовного образования и пр. В результате жизнь сельского священника являлась столь тяжелой и безотрадной, что буквально вопияла о надобности коренных преобразований всего духовенства. Книга Беллюстина положила начало церковных реформ, поддержанных свят. Филаретом, который был знаком с автором книги и вполне разделял его тревоги.

Пожалуй, через Филарета можно вполне органично перейти к Владимиру Соловьёву, который не единожды в своих трудах обращался к имени и трудам святителя. Так, размышляя над причинами разделения церквей на западную и восточную (католическую и православную), Вл. Соловьев замечает, что «все, нами признаваемое, признается и католиками», что у нас общее основание и разнятся мы лишь постройками, сделанными на этом основании: «Однако, по справедливому замечанию знаменитого митрополита Филарета, хотя бы эти постройки были из тростия и соломы, мы осуждать их не имеем права, ибо такой сосуд, согласно апостольскому учению, принадлежит одному Богу и объявится лишь в конце времен» [23, с. 324–325]. Не ставя перед собой задачи всесторонне раскрыть отношение Вл. Соловьева к Филарету, заметим только, что он нередко прибегает к его имени, когда необходимо привести безупречное, с точки зрения его противников, доказательство. Кроме того, собственная богословская деятельность Вл. Соловьева была весьма успешной, находя отражение как в статьях, так и публичных лекциях.

Погодин не единожды упоминается в трудах Вл. Соловьева. Так, ему хорошо известен публикующийся многотомный труд Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина» и даже хочется, чтобы о нем написали нечто схожее²³.

В более ранней работе о национальном вопросе в России Вл. Соловьев обращается к книге Погодина «Простая речь о мудреных вещах» (1873 г.), в которой, по его убеждению, «заслуженный историк» рассуждает о предметах,

²² См.: Голубинский Е.Е. Воспоминания // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. С приложением «Воспоминаний». М., 1998. С. 141–230 [22].

²³ См.: Соловьев Вл.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев Вл.С. Соч.: в 2 т. Т. 2 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 626 [24].

в которых мало сведущ, и обезоруживает критику «не только наивностью своих рассуждений, но также их беспритязательностью»²⁴. Подмеченные чутким к слову и его бытийственности Вл. Соловьевым *наивность* и *беспритязательность* книги Погодина суть не что иное, думается, как пока только намеченный, только пунктирный и еще не получивший именованного путь к «листве» Василия Розанова. В предисловии к своей книге Погодин, заранее предчувствуя ее неодобрительное восприятие, пишет, что он стремился передать свои мысли в том виде, «как они созрели внутренне, без непосредственного в том моего участия»²⁵.

Вл. Соловьев относит Погодина к искренним и разумным защитникам православной церкви²⁶. Хотя, с другой стороны, именно такие защитники опасаются религиозной свободы, последствия которой могут выразиться в расколе и переходе в католичество. Он обнаруживает в Погодине мудрого старца, способного увлечь за собой противников самого философа²⁷.

Как видим, в отличие от С.М. Соловьева его сын Владимир воспринимает Погодина как деятеля русской культуры, сумевшего в ней сделать немало хорошего и оставить вполне достойное наследие. Погодин для него старец, но не в смысле возраста, а в смысле ума и знания.

И наконец, хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь, связанную уже напрямую с семьями М.П. Погодина и С.М. Соловьева. Оба были счастливо женаты на любимых ими женщинах. В семье Погодина было четверо детей – две девочки и двое мальчиков, в семье С.М. Соловьева – двенадцать детей, из которых до взрослого возраста дожили восемь – пять девочек и три мальчика. Погодин рано потерял жену-красавицу, которая скончалась, родив четвертого ребенка. Детей воспитывала гувернантка, помогавшая и ранее их матери. В обоих случаях отцы, будучи главными добытчиками средств для семьи, детьми занимались мало. Но в семье С.М. Соловьева дети воспитывались под присмотром родной матери, а дети Погодина остались сиротами, когда старшей дочери Александре было 10 лет, младшей дочери Аграфене менее года, старшему сыну Дмитрию – 8 лет, младшему сыну Ивану – 2 года. Конечно, Погодин никак не способен был сам заниматься столь маленькими детьми, хотя был к ним очень привязан. Он долго не мог или не хотел вновь жениться. Когда же все-таки решился обрести подругу жизни, то потерпев несколько неудач, женился в итоге на гувернантке своих детей через тринадцать лет после смерти горячо им любимой жены.

²⁴ См.: Соловьев Вл.С. Национальный вопрос в России. Вып. второй // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 564 [25].

²⁵ См.: Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М.: Лепта Книга, 2009. С. 14 [26].

²⁶ См.: Соловьев Вл.С. Русская идея // Соловьев Вл.С. Соч.: в 2 т. Т. 2 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 232 [27].

²⁷ Соловьев Вл.С. Народная беда и общественная помощь // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 165 [28].

Дети Погодина так и остались просто его детьми. Трое из детей С.М. Соловьева вошли в историю русской культуры – Всеволод, Владимир и Поликсена, причем Владимир обрел всемирную известность.

Погодин умрет в 1875 г., С.М. Соловьев – в 1879 г. Последний штрих – наследство. Здесь соловьевский след, увы, исчезает.

Дети и вдова С.М. Соловьева поделили наследство и по завещанию, и по личным договоренностям, поделили культурно, без каких бы то ни было обид и скандалов, чего не скажешь о детях Погодина, не оставившего завещания. Сохранилось обширное письмо И.С. Аксакова о том, как сыновья Погодина делили наследство со своей мачехой. Приведу только два фрагмента: «Едва умер Погодин, как оба сына предъявили свои юридические права на все имущество отца и на господство в доме, который к тому же был собственностью первой жены Погодина, их матери. Корысть обуяла их, и ко всем книгам и рукописям они отнеслись исключительно с этой точки зрения. Ненависть усилилась еще больше, когда на вопрос, отказывается ли она от своей законной вдовьей доли в имении мужа, Софья Ивановна отвечала, что нет, потому что этой частью (всего-то 8 тыс. р.) хочет обеспечить участь двух любимых малолетних внуков Михаила Петровича, которых последний удалил от их пьяного отца (т.е. старшего сына Погодина, Дмитрия) за границу, где их воспитывают. ... Каждый день врывались они в комнаты Софьи Ивановны и осыпали ее самую площадную, непристойную бранью, называя ее комедианткой и воровкой, отнимая у нее всякую дорожную, по воспоминаниям, вещь, принадлежавшую ее мужу и которую ей хотелось бы удержать. Так, кресло, в котором 40 лет сидел Михаил Петрович, старое, изношенное – она перенесла к себе и хотела беречь, как святыню... Отняли с ругательством и хохотом» [29, с. 279–280]. В итоге вдова Погодина покинула дом и поселилась в Ново-Девичьем монастыре неподалеку от могилы дорогого ее сердцу человека. В ограде этого же монастыря найдут упокоение С.М. Соловьев и его сын Вл.С. Соловьев.

Кажется, история, совершив круги человеческих жизней, навеки соединила имена людей, каждый из которых внес свою лепту в русскую культуру, в палитру ее «лица необщее выраженье», исполненное христианской любви, побеждающей любые нестроения бытия.

Список литературы

1. Фатеев В.А. «Державный» историк М.П. Погодин и псевдонаучная теория «официальной народности» А.Н. Пыпина // Русско-византийский вестник. 2021. № 2. С. 10–42.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. Санкт-Петербург, 1888–1910.
3. Ключевский В.О. М.П. Погодин // Ключевский В.О. Неопубликованные сочинения / отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1983. С. 138–152.
4. Кошелев В.А. Общественно-литературная борьба в России 40-х годов XIX века. Лекции. Вологда, 1982. 56 с.
5. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1882. 360 с.

6. Погодин М.П. Взгляд на положение Европы после Парижского мира. Письмо в редакцию газеты «Le Nord» // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос. (1856–1867). Москва: Тип. Ф.Б. Миллера, 1876. С. 1–13.
7. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды / изд. подгот. А.А. Левандовский, Н.И. Цимбаев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 229–352.
8. Погодин М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Погодин М.П. Историко-критические отрывки: в 2 кн. Кн. 1. Москва, 1846. С. 63–91.
9. Соловьев С.М. Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. Ч. 6, № 12. С. 511–517.
10. Александров Л.Г. Редакционная политика «Вестника Европы» М.Т. Каченовского в период доминирования патриотических тенденций в российском обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 54, № 13. С. 5–11.
11. Журавель А.В. «Светило» на фоне «беззаконных комет»: С.М. Соловьев – М.П. Погодин – Н.С. Арцыбашев // С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка: сб. статей / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РАН, 2020. С. 62–83.
12. Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra: Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 605–641.
13. Павленко Н.И. Михаил Погодин. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 359 с.
14. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: в 2 ч. Москва, 1866.
15. Соловьев С.М. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» / Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. 16. М.: Мысль, 1995. С. 43–186.
16. Дубровский А.М. С.М. Соловьев о Н.М. Карамзине // Новые исторические перспективы. 2020. № 3. С. 15–39.
17. Кучурин В.В. Религиозный мир С.М. Соловьева // Мир истории: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 107–136.
18. Бестужев-Рюмин К. Михаил Петрович Погодин (1800–1875) // Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1882. С. 231–254.
19. Грэхем Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности. СПб., 2011. 230 с.
20. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2003. 276 с.
21. Лебедев А.П. В защиту Филарета митрополита Московского от нападок историка С.М. Соловьева // «Великий в малом...»: Исследования по истории русской Церкви и развития русской церковно-исторической науки. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 151–184.
22. Голубинский Е.Е. Воспоминания // Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского. С приложением «Воспоминаний». М., 1998. С. 141–230.
23. Соловьев Вл.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 259–396
24. Соловьев Вл.С. Несколько личных воспоминаний о Каткове // Соловьев Вл.С. Соч.: в 2 т. Т. 2 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 626–634.
25. Соловьев Вл.С. Национальный вопрос в России. Вып. 2 // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 407–639.
26. Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М.: Лепта Книга, 2009. 512 с.
27. Соловьев Вл.С. Русская идея / пер. с фр. Г.А. Рачинского // Соловьев Вл.С. Соч.: в 2 т. Т. 2 / сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева. М.: Правда, 1989. С. 219–246.
28. Соловьев Вл.С. Народная беда и общественная помощь // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 164–166.

29. Письмо И.С. Аксакова к Е.Ф. Тютчевой от 27 декабря 1875 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 4 т. Т. 4. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1896. С. 279–282.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Aleksandrov, L.G. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, issue 54, no. 13, pp. 5–11.
2. Dubrovskiy, A.M. *Novye istoricheskie perspektivy*, 2020, no. 3, pp. 15–39.
3. Fateev, V.A. *Russko-vizantiyskiy vestnik*, 2021, no. 2, pp. 10–42.
4. Solov'ev, S.M. *Moskvityanin*, 1843, part 6, no. 12, pp. 511–517.
5. Solov'ev, V.I. *Vestnik Evropy*, 1891, no. 10, pp. 164–166.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Bestuzhev-Ryumin, K. Mikhail Petrovich Pogodin (1800–1875) [Mikhail Petrovich Pogodin (1800–1875)], in Bestuzhev-Ryumin, K. *Biografii i kharakteristiki* [Biographies and characteristics]. Saint-Petersburg: Tipografiya V.S. Balashova, 1882, pp. 231–254.
7. Golubinskiy, E.E. *Vospominaniya* [Memoirs], in Polunov, A.Yu., Solov'ev, I.V. *Zhizn' i trudy akademika E.E. Golubinskogo. S prilozheniem «Vospominaniy»* [Life and Works of Academician E.E. Golubinsky. With the Supplement of “Memoirs”]. Moscow, 1998, pp. 141–230.
8. Klyuchevskiy, V.O. M.P. Pogodin, in Klyuchevskiy, V.O. *Neopublikovannye sochineniya* [Unpublished Works]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 138–152.
9. Kuchurin, V.V. *Religioznyy mir S.M. Solov'eva* [The religious world of S.M. Solovyov], in *Mir istorii: istoriograficheskiy sbornik. Vyp. 3* [The World of History: Historiographic Collection. Issue 3]. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2007, pp. 107–136.
10. Lebedev, A.P. V zashchitu Filareta mitropolita Moskovskogo ot napadok istorika S.M. Solov'eva [In defense of Filaret, Metropolitan of Moscow, from the attacks of historian S.M. Solovyov], in *«Velikiy v malom...»: Issledovaniya po istorii russkoy Tserkvi i razvitiya russkoy tserkovno-istoricheskoy nauki* [“Great in the small...”: Research on the history of the Russian Church and the development of Russian church-historical science]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2005, pp. 151–184.
11. Pis'mo I.S. Aksakova k E.F. Tyutchevoy ot 27 dekabrya 1875 g. [Letter from I.S. Aksakov to E.F. Tyutchev dated December 27, 1875], in *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh: v 4 t., t. 4, ch. 2* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters: in 4 vols., vol. 4, part 2]. Saint-Petersburg, 1896, pp. 279–282.
12. Pogodin, M.P. *Istoricheskoe pokhval'noe slovo Karamzinu* [A historical tribute to Karamzin], in *Karamzin: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina v otsenke russkikh pisateley, kritikov, issledovateley: Antologiya* [Karamzin: pro et contra: Personality and creativity of N.M. Karamzin in the assessment of Russian writers, critics, researchers: Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2006, pp. 605–641.
13. Pogodin, M.P. *Vzglyad na polozhenie Evropy posle Parizhskogo mira. Pis'mo v redaktsiyu gazety «Le Nord»* [A look at the situation of Europe after the Parisian Peace. Letter to the editorial office of the newspaper “Le Nord”], in Pogodin, M.P. *Stat'i politicheskie i pol'skiy vopros (1856–1867)* [Political articles and the Polish question (1856–1867)]. Moscow: Tipografiya F.B. Millera, 1876, pp. 1–13.
14. Pogodin, M.P. *Paralleli russkoy istorii s istoriey zapadnykh evropeyskikh gosudarstv, otnositel'no nachala* [The parallel of Russian history with the history of Western European states, relative to beginning], in Pogodin, M.P. *Istoriko-kriticheskie otryvki: v 2 kn., kn. 1* [Historical and critical passages: in 2 books, book 1]. Moscow, 1846, pp. 63–91.
15. Solov'ev, S.M. *Moi zapiski dlya detey moikh, a esli možno, i dlya drugikh* [My notes for my children, and if possible, for others], in Solov'ev, S.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983, pp. 229–352.

16. Solov'ev, S.M. N.M. Karamzin i ego literaturnaya deyatel'nost': «Istoriya gosudarstva Rossiyskogo» [N.M. Karamzin and his literary activity: "The History of the Russian State"], in Solov'ev, S.M. *Sochineniya: v 18 kn., kn. 16* [Works: in 18 books, book 16]. Moscow: Mysl', 1995, pp. 43–186.
17. Solov'ev, V.S. *Natsional'nyy vopros v Rossii. Vyp. 1* [The national question in Russia. Issue 1], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 1* [Works: in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 259–396.
18. Solov'ev, V.I.S. *Neskol'ko lichnykh vospominaniy o Katkove* [A few personal memories of Katkov], in Solov'ev, V.I.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Works: in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 626–634.
19. Solov'ev, V.I.S. *Natsional'nyy vopros v Rossii. Vyp. 2* [The national question in Russia. Issue 2], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 1* [Works: in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 407–639.
20. Solov'ev, V.I.S. *Russkaya ideya* [Russian Idea], in Solov'ev, V.I.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Works: in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 219–246.
21. Zhuravel', A.V. «Svetilo» na fone «bezzakonnykh komet»: S.M. Solov'ev – M.P. Pogodin – N.S. Artsybashev [“Svetilo” against the background of “lawless comets”: S.M. Solovyov – M.P. Pogodin – N.S. Artsybashev], in *Sbornik statey «S.M. Solov'ev i ego epokha: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya istorika»* [Collection of articles “S.M. Solovyov and his era: On the 200th anniversary of the historian's birth”]. Moscow: RAN, 2020, pp. 62–83.

(Monographs)

22. Alekseeva, S.I. *Svyateyshiyy Sinod v sisteme vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdeniy poreformennoy Rossii 1856–1904 gg.* [The Holy Synod in the system of higher and central institutions of post-reform Russia 1856–1904]. Saint-Petersburg: Nauka, 2003. 276 p.
23. Barsukov, N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: v 22 kn.* [Life and works of M.P. Pogodin: in 22 books]. Saint-Petersburg, 1888–1910.
24. Bestuzhev-Ryumin, K.N. *Biografii i kharakteristiki* [Biographies and characteristics]. Saint-Petersburg: Tipografiya V.S. Balashova, 1882. 360 p.
25. Grekhem, L., Kantor, Zh.-M. *Imena beskonechnosti* [Names of infinity]. Saint-Petersburg, 2011. 230 p.
26. Koshelev, V.A. *Obshchestvenno-literaturnaya bor'ba v Rossii 40-kh godov XIX veka. Lektsii* [Social and literary struggle in Russia in the 1840s. Lectures]. Vologda, 1982. 56 p.
27. Pavlenko, N.I. *Mikhail Pogodin* [Mikhail Pogodin]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2003. 359 p.
28. Pogodin, M.P. *Nikolay Mikhaylovich Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: v 2 ch.* [Nikolai Mikhailovich Karamzin based on his works, letters and reviews of his contemporaries: in 2 parts]. Moscow, 1866.
29. Pogodin, M.P. *Prostaya rech' o mudrenykh veshchakh* [Simple speech about complicated things]. Moscow: Lepta Kniga, 2009. 512 p.